

**Игорь-князь во злат стремянь вступает, В чистое он поле выезжает.
Солнце тьмою путь ему закрыло, Ночь грозою птиц перебудила, Свист
зверей несется, полон гнева, Кличет Див¹⁵ над ним с вершины древа,
Кличет Див, как половец в дозоре, За Сулу, за Сурож¹⁶, на Поморье,
Корсуню¹⁷ и всей округе ханской, И тебе, болван¹⁸ тмутороканский!**

**И бегут, слышав о набеге, Половцы сквозь степи и яруги", И
скрипят их старые телеги, Голосят, как лебеди в испуге. Игорь к Дону
движется с полками. А беда несется вслед за ним: Птицы, поднимаясь
над дубами, Реют с криком жалобным своим, По оврагам волки
завывают, Крик орлов доносится из мглы — Знать, на кости русские
скликают Зверя кровожадные орлы; На щиты червленые²⁰ лисица Дико
брешет в сумраке ночном...**

древнеанглийской поэзии («Беовульф», «Плач жены»), где предутренняя пора ассоциировалась с холодом, печалью и одиночеством. Пленительный образ Ярославны вошел в культуру и в наше сознание как образ русской женщины, как символ преданности, женственности, любви. Реальная Ярославна была знатнейшей по общеевропейским меркам матроной, среди ее предков — и византийский император Константин IX Мономах, и короли: вен-

герские Кальман Книжник и Бела I, шведский Олав I, англосаксонский Гаральд II, и немецкие аристократы. Среди же ближайших родственников стоит упомянуть ее деда *Юрия Долгорукого* и его жену, дочь хана Аепы. Ярославна явно превосходила своего мужа родовитостью, но, так же как и у Игоря, бабка ее была знатной половчанкой. Плач исторической Ярославны был, несомненно, связан с христианской молитвой, а не с языческими заклинаниями.

Игорь Святославич